

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

НАША ИСТОРИОГРАФІЯ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ времяъ. Т. XXII. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Т. II. Соч. *Сергія Соловьева*. Москва. 1872.

Мѣрно, спокойно, невозмутимо, изъ году въ годъ, вотъ уже 23-е лѣто подвигается безостановочно „*Исторія Россіи*“, и въ книгѣ прошедшаго года доходитъ до половины прошедшаго столѣтія (1748 г.). Можно сказать, что исторія Россіи сдѣлалась журналомъ работъ нашего почтеннаго историка и годовымъ отчетомъ предъ публикою въ его кабинетныхъ трудахъ надъ нашими домашними, преимущественно официальными документами; разсѣянные по разнымъ изданіямъ, а въ большей части случаевъ до сихъ поръ вовсе неизданные, эти документы широко воспроизводятся теперь и составляютъ, такъ сказать, личный архивъ С. М. Соловьева, которымъ онъ и дѣлится съ публикою, по мѣрѣ его очистки и приведенія въ тотъ или другой порядокъ. Если кто найдетъ, что личный архивъ историка какъ-бы онъ ни былъ богатъ, все же еще не составляетъ *исторіи* ни страны, ни ея общества, то на это можно замѣтить, что въ ожиданіи подобной *исторіи* нельзя не быть благодарнымъ и признательнымъ и за архивъ, особенно когда онъ составляется и ведется съ такою неутомимостью и добросовѣстностью, какія давно уже доказалъ нашъ историкъ. Ограничиваясь воспроизведеніемъ несомнѣнныхъ памятниковъ, отбрасывая сравнительную провѣрку изъ иностранныхъ сочиненій, избѣгая обобщеній и художественныхъ представленій, многообъемистый и многолѣтній трудъ С. М. Соловьева дѣйствительно представляетъ *сладостную мятость*, характеру которой историкъ не имѣлъ, даже когда государственная и общественная жизнь Россіи радикально измѣнилась со времени Петра. Прибавимъ, что самыя прижѣтанія, или скорѣе выноски, даже и тѣ не имѣютъ характера ни оправдательныхъ, ни дополнительныхъ, ни разъяснительныхъ статей, представляя длинный столбецъ перечневыхъ, инвентарныхъ указаній.

Древняя лѣтопись ненарушимо и непрерывно прошла черезъ всю русскую исторію, начиная съ Нестора до конца смутнаго времени,

чуть не до самаго Петра, отнявшаго чернильницы у монашествующихъ бытописцевъ. Частныя замѣтки туземнаго происхожденія составляли въ ней рѣдкое явленіе, а потому и послѣ великаго преобразованія лѣтопись можно продолжать по officialнымъ документамъ, которые и по настоящее время наполняютъ „Сенатскія Вѣдомости“ и имъ подчиненные, имъ сходственные, различные указатели, по минованіи надобности сдающіе весь свой многообильный матеріалъ въ Полное Собраніе Законовъ. Серьезныя попытки для составленія осмысленной и настоящей исторіи Россіи были сдѣланы Татищевымъ и Карамзинымъ и ихъ немногими подражателями или противниками, но отнюдь не продолжателями, такъ что никто изъ этихъ дѣятелей не достигъ желаемаго конца, остановившись на полпути, или и того менѣе. С. М. Соловьевъ, какъ-бы опасаясь участи своихъ предшественниковъ, далъ своему труду форму, при которой можно вперед опредѣлить, когда онъ будетъ доведенъ до конца, разумѣется, въ предѣлахъ возможной человѣческой жизни; и дѣйствительно наша историографія еще никѣмъ не была доведена такъ близко и въ такой полнотѣ, какъ то удалось С. М. Соловьеву. Новѣйшіе архивокопатели отыскиваютъ множество документовъ, записокъ, писемъ, замѣтокъ, памятей, разумѣется, не далѣе какъ съ XVII-го столѣтія; но весь этотъ богатый, нерѣдко драгоценный хламъ составляетъ лишь историческій сырой матеріалъ. Въ итогѣ выходитъ, что наше общество совершенно бѣдствуетъ въ отношеніи историческихъ сочиненій. Еще Петръ, спустя два столѣтія, не дожидъ до своего историка, и какой бы ни былъ опытъ Устрялова, такъ онъ и остается непродолженнымъ. Казенно-officialное, сухое изложеніе Лефортова составляетъ единственный трактатъ о знаменательномъ царствованіи Екатерины II-й. Трудъ генерала Богдановича объ Александрѣ I-мъ не столько составляетъ исторію этого государя, сколько изложеніе политическихъ событій Россіи въ продолженіе его жизни. Если такія крупныя личности не возбудили трудолюбія и творчества изыскателей и разработчиковъ, то остальные и подавно остались нетронутыми, неразъясненными. Правда, за послѣднее время историческія монографіи стали учащаться и начинаютъ получать серьезность, добросовѣстность и занимательность, такъ что ихъ можно считать чѣмъ-то въ родѣ начала нашей исторической литературы, но все же она такъ скудна, что заставляетъ краснѣть при самомъ поверхностномъ сравненіи съ любой исторической бібліотекою самаго вѣдшаго европейскаго государства. Равнодушіе ли публики, или бессиліе писателей и изслѣдователей виноваты въ этомъ рѣзкомъ пробѣлѣ? Или одинаково дѣйствуютъ объ причины вмѣстѣ съ другими обстоятельствами „не предусмотрѣнными“, какъ выразился не-

давно „Гражданинъ“, возвѣщая о возвращеніи комедіи г. Писемскаго ея автору, — насъ это не занимаетъ въ настоящую минуту.

22-й томъ исторіи С. М. Соловьева начинается съ 1745 года. Едва минуло столѣтіе съ воцаренія Алексѣя Михайловича; еще не прошло четверти столѣтія послѣ смерти преобразователя; не хватало еще до полного полустолѣтія съ тѣхъ поръ какъ молодой, любознательный царь, довольный успѣхами азовскихъ походовъ, но вовсе недовольный стародавними московскими порядками, совершилъ безпримѣрное трудовое паломничество по Европѣ не только чуждой для Москвы, но ей ненавистной, въ силу болячки своего самопрельщенія. А между тѣмъ новорожденная Русь утратила многое, что столѣтъ назадъ служило ей неподдѣльнымъ отпечаткомъ. Россія XVII-го вѣка также мало походила на Россію XVIII-го столѣтія, какъ минувшая Римская имперія на средневѣковую Европу, выдѣвившуюся изъ матеріаловъ имперіи Карла Великаго, отпечатокъ которой все-таки перешелъ въ столь ей чуждую имперію Карла V-го. Почти апокалипсически можно было сказать, что явилось новое небо, новая земля, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже не было, т.-е., другими словами, явились новые порядки, новыя понятія, необычныя воззрѣнія, и старинная косность распаталась. Но все человѣчество, т.-е. историческое, дѣятельно и дѣйствительно существующее, а не призрачное, воображаемое и грѣзовое развивается въ крайней послѣдовательности, въ непреложномъ сродствѣ послѣдующаго съ предыдущимъ. Самое явленіе или осуществленіе дѣйствія не иное что какъ борьба прошлаго съ настоящимъ, которое, какъ бы оно ни было сильно и выразительно, долго препирается съ косностью того, что выработалось вѣками, и самое лучшее новшество если не подстрекается, то упорно задерживается заматорѣвшею массою старины.

Борьба съ прошлымъ, заявленная Петромъ, велась имъ такъ энергично, что вызвала около него бездну птенцовъ и вольныхъ, и невольныхъ, хотя бы пугнеевъ въ сравненіи съ его колоссальностью: не менѣе того они были неоспоримыми результатами великаго его почина. Борьба упорно продолжалась имъ цѣлую четверть столѣтія при самыхъ исключительныхъ условіяхъ. Небывалая, широко раскинувшаяся 21-лѣтняя война не помѣшала Петру категорически измѣнить управленіе государствомъ во главѣ и въ членахъ; онъ перестраивалъ бытъ экономически и фискально; онъ сочинялъ разнородные регламенты, указы и предписанія; устраивалъ Сенатъ и Синодъ; ограничивалъ права монастырей, предвѣщая ихъ на пользу государству; заводилъ школы и отсылалъ въ иноземную науку праздныхъ служилыхъ людей, слишкомъ приобывшихъ къ отнѣживанію и московской